

КУСТАА ВИЛЬКУНА

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРОМЫСЛА ЛОСОСЯ В ФИНЛЯНДИИ *

В истории всего севера и в особенности в истории Финляндии промысел лосося имел большое значение. Так, например, еще в каменном веке некоторые значительные поселения возникли на таких берегах, близ которых был обеспечен жителям хороший улов лосося¹. Поселения финнов в железном веке также по преимуществу возникали недалеко от устьев тех рек, в которых ловился лосось². Далее, можно проследить, как в средние века зарождающиеся тогда административные центры — такие, как, например, Сигтуна в Швеции и Коройнен, а позднее и Турку в Финляндии, стараются завладеть лососевыми угодьями, нашедшимися в значительном отдалении от них, и как епископы стремятся раздвинуть пределы своих епархий, имея в виду в первую очередь получение так называемой лососевой десятины³. В XVI в. по инициативе короля Густава Вазы было положено начало проведению ряда мер, в итоге которых добыча лосося становится государственной регалией и очень доходной податной статьёй, а также, естественно, постоянным поводом к нескончаемым распрям и судебным разбирательствам. В архивах сохранились за эти 400 слишком лет тысячи страниц судебных протоколов, из которых явствует, что в подавляющем большинстве случаев тяжбы и судебные процессы велись между правительством и крестьянами. Эти протоколы изобилуют интересным этнографическим материалом⁴. В них мы сталкиваемся с целым рядом вопросов, касающихся общественного устройства, прав владения и раздела улова.

Язык, относящийся к промыслу лосося, исключительно богат. Так, например, словарь, относящийся к какой-нибудь определенной запруде и ее частям, может состоять из десятков специальных терминов, из которых многие входят в состав древней лексики. Сам лосось имеет, так же, как, например, олень у саамов или лошадь у монголов, множество различных

* Доклад на этнографическом совещании в Ленинграде в мае 1956 г.

¹ Например, Рованиэми (Кеми-Йоки), Утаярви в Мухосе (Оулун-Йоки) и Ряйсяля (Буокса). См. Julius Ailio, Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finnland, № 129—134, 175—186, 215—220.

² Например, реки Кюрён-Йоки и Кокемяэн-Йоки.

³ Kustaa Vilkkuna, Onko varsinaissuomalaisilla ollut kaukaisia nautinta-alueita?, «Varsinais-Suomen Maakuntakirja», 10, 1948, стр. 146—150; его же, Pohjanmaan papiston lohikymmennykset, «Suomen kirkkohistoriallisen Seuran vuosikirja», 37—38, 1947—1948, стр. 135—139; его же, Kemin-Kaakaman nautintaraja ja sen kansatieteellinen tausta, «Kalevalaseuran vuosikirja», 29, 1949, стр. 343, 384, 396.

⁴ Главные источники по этим документам: And. Joh. Malmgren, Handlingar och förordningar ang. «Finlands fiskerier», I—IV, Helsinki, 1869. (Многие документы этого сборника были переведены И. В. Руутом и изданы Малмгреном под заглавием: «Asiakirjoja, jotka valaisivat Kemin ja Iin kruunun-kalastuksen yleisiä oikeuden-suhteita», Helsinki, 1888); Oso. Nordqvist, Handlingar rörande laxfisket i Torneå elf, Helsinki, 1894; Sten Lewenhaupt, Historik rörande det regala laxfisket i Torneå elf, Tukholma, 1892; P. Brofstedt, Selostus Kokemäenjoen pato- ja nuottakalastuspaikkojen omistus- ja käyttöoikeudesta, «Suomen Kalatalous-Finland fiskerier», 12—13, Helsinki, 1938.

наименований в зависимости от его возраста, окраски, пола, строения нижней челюсти, времени лова и т. д.

Богатым и многообразным является инвентарь, используемый при лове лосося, в частности — рыболовные орудия. Лов лосося ведется почти всеми обычными речными, морскими и озерными рыболовными орудиями, конечно, с учетом крупных размеров этой рыбы. Кроме того, существуют еще особые снасти, используемые исключительно при лове лосося. Обилие разнообразных орудий и способов лова на первый взгляд кажется даже нецелесообразным. Впечатление это усугубляется тем, что некоторые орудия, применяемые при лове лосося, очень примитивны (острога, сачок и т. п.), другие же представляют собой дорогие, сложные и трудоемкие рыболовные орудия и сооружения (большие заколы и некоторые виды неводов).

Рыболовные орудия, применяемые в северных бассейнах, наиболее основательно изучены У. Т. Сирелиусом. Им было еще в 1906 г. опубликовано капитальное исследование под заглавием «Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern», содержащее около 500 страниц текста и свыше 600 иллюстраций. Немного позднее (1906—1908) в свет вышел его трехтомный труд «Suomalaisten kalastus» («Рыболовство у финнов»). Основные положения и результаты обоих этих исследований блестяще изложены в 1-м томе (1919) «Suomen kansanomaisista kulttuuria» («Народная культура Финляндии»). Сирелиус, как и его коллега, венгерский ученый Янош Янко, руководствовался при построении своих умозаключений теорией типологического процесса развития предметов, согласно которой примитивные орудия, подобные остроге и сачку, являются своего рода удлинением человеческой руки; из них постепенно развились остальные рыболовные орудия. Первичные виды орудий, следовательно, являются пережиточными. Возникает вопрос: почему они, равно как и другие примитивные орудия лова, сохранились в таком большом количестве по настоящее время?

Рассматривая процесс лова лосося в целом, можно прийти к выводу, что рыбак должен в течение всего промыслового года прибегать ко множеству рыболовных орудий. Применение того или иного орудия в определенный отрезок времени находится в зависимости от поведения лосося. Следовательно, при выборе орудия рыболов руководствуется соображениями, связанными с целесообразностью применения данного орудия.

В целях выяснения сказанного проследим, не вдаваясь в подробности, поведение, повадки лосося и особенности его лова в течение всего сезона на реке Торнио-Йоки. Она еще и теперь считается типичной лососевой рекой, плотины и гидростанции еще не препятствуют в нее лососей.

Половозрелый лосось каждую весну входит из соленой морской воды в пресную, богатую кислородом, вспененную порогами реку, где он нерестится. Как только северная часть Ботнического залива начинает освобождаться от льдов и пресные воды разливаются, в устьях рек Кеми-Йоки и Торнио-Йоки появляется лосось. Входя в реку, лососи приближаются к ее берегам довольно широким фронтом. У небольших островков и полуостровов рыбаки ставят от берега большие сети, загибая их концы под острым углом. В последнее время эти загибы стали заменять более емкими большими вершами. Соприкоснувшись со стеной сетей, лосось пускается в обход их со стороны моря, но тут ему путь преграждает загиб сетей или верша. Войдя в реку, лосось сначала плывет вдоль берега, поскольку течение здесь не столь быстрое. В это время рыбаки быстро и проворно строят от берега по направлению к стрежню реки так называемые бережники, т. е. небольшие заколы, длиной метров в десять. Здесь устанавливается, в зависимости от силы течения, натянутая мережа, верша или же сеть, сходная с морской сетью, только размерами поменьше. На быстрине может быть применена лишь мережа, так как только она в

состоянии выдержать сильный напор течения. Там, где течение медленное, расставляется сеть, так как лосось может здесь пуститься в обход бережника; сеть же с загибом или с так называемым лягунком, расставленная от бережника вдоль реки, заграждает ему путь.

У порогов используется при этом также сачок. Занятно наблюдать, как рыболов, стоя на берегу бушующего и пенящегося порога, погружает в воду свой небольшой сачок и вытаскивает из пучины крупного лосося. Как ему удастся находить лососей? Он знает, что в этом месте под водой есть яма, в которой лососи, плывущие к берегу и до усталости сопротивляющиеся напору течения, имеют привычку отдыхать. Над этой колдобиной вода течет стремительно, но в самой колдобине царит полнейшая тишь. Из нее-то рыбак и вытаскивает, как из кладовой, выбившихся из сил лососей. На реке Кокемяэн-Йоки такие ямы называют «рыбьими могилами» («калахаудат»).

Но как только паводковые воды начинают спадать, лосось исчезает из прибрежных вод и переходит на стрежень реки. Рыбаки объясняют это чрезмерным потеплением прибрежной воды. Теперь бережники снимают и приступают к сооружению больших стрежневых запруд. Если течение здесь медленное, то рыбаки сооружают гигантские загонные запруды («карсинападот»); выемка лососей из них производится прямо в лодки при помощи волокуш («кулле»), закидных неводов без мотни.

На порогах же сооружаются различные, хорошо сконструированные запруды и заколы. В них расставляются, в зависимости от силы течения, верши, нерета, мережи или вентери, а ниже — сети с загибом. Сооружение запруд заканчивается к Иванову дню, т. е. к 24 июня, когда ход лосося по стрелю реки наиболее активен. Можно сказать, что почти каждая запруда имеет свои конструктивные особенности, обусловленные формой порога и силой течения воды.

Там, где дно реки ровное и нетопкое, тянут невод или волокушу — кулле. Большие неводы завозятся на середину реки и подтаскиваются к лодкам примерно в двух километрах от места их выметывания. Эти неводы бывают трех видов в зависимости от того, вытаскиваются ли они, из-за отсутствия подходящего для тони берега, прямо в лодки (волокуша-кулле), притониваются ли к берегу (невод) или же используются на быстром течении («пиккукулле» — малая волокуша, приволока).

Этот рыболовный период продолжается свыше месяца, заканчиваясь приблизительно после Якова дня (25 июля). Позднее лосось уже на эти снасти не ловится: он ускользает от невода и минует мережи. Лосось начинает, как принято говорить, прислушиваться, часто останавливается, не устремляется более вверх по течению, а ходит беспокойно по реке.

Теперь на очереди плавная сеть «сааруа», напоминающая мелкочейстую, так называемую поездуху, или погоняй. Это тоже очень остроумное рыболовное орудие, применяемое только в ночную пору. Светлые северные ночи становятся к этому времени уже более темными, что совпадает, как ранее было сказано, с потерей у лосося охоты плавать против течения. С наступлением сумерек рыбак забирает с собой мелкочейстую плавную сеть. На лов отправляются два рыбака в одной лодке. Один из них спускает из лодки сети поперек реки, а другой гребет, придерживаясь линии берега. К наружному концу сетей приделан деревянный поплавок длиной примерно в один метр. Этот поплавок, имеющий форму буквы Т, под напором течения выпрямляет сети и увлекает их с собой по течению. Поплавок заменяет, таким образом, вторую лодку. Он плывет бесшумно, благодаря чему настороженный лосось не замечает движущихся ему навстречу плавных сетей и запутывается в них. Один из рыбаков держит в руках конец сетей. Почувствовав, что лосось запутался, он вытаскивает сети в лодку, чтобы затем немедленно закинуть их вновь.

Самым выгодным применением этих сетей является в середине августа, приблизительно в десятых числах этого месяца (в день Лаури, 10 авгу-

ста). К концу августа лосось становится пассивным и начинает хорониться за подводными камнями, у островков и полуостровов. Плавными сетями лосось более не ловится, и рыбаки начинают ставить обычные сети, так называемые «ленивки» («лайскат»). «Ленивки» закрепляются только с одного конца, следовательно, они стоят в воде свободно. Если лососи плывут даже медленно, то легко попадают в сети.

Во второй половине сентября листва на деревьях теряет свой зеленый цвет и становится изжелта-красной. В это время лосось покидает места отдыха. В народе говорят, что его спугнул этот красно-бурый цвет («руска»). Но спустя одну-две недели лосось вдруг вновь появляется в реке, в неглубоких местах с крупнопесчаным дном. Здесь лосось нерестится. В эту пору лососи плавают небольшими косяками в мелкой воде, примерно на глубине полуметра — метра, и ведут себя очень отважно. Рыбаки подплывают сюда на лодках, имея при себе в качестве единственного рыболовного снаряда острогу, в данном случае исключительно целесообразное орудие. Искусный рыбак успевает быстро, за короткое время наколоть большое количество нерестящихся лососей.

Итак, лосось почти в течение 6 месяцев щедро доставляет рыбакам средства к существованию. Но для получения улова в продолжение всего промыслового периода требуется целый набор разнообразных орудий. Эти рыболовные орудия не образуют типологической цепи, а каждое из них являет собой как бы самостоятельное изобретение.

Некоторые способы лова лосося, основывающиеся на повадках этой рыбы, существовали еще в каменном веке и были такими же, как и в настоящее время; следовательно, потребность во всех этих видах орудий возникла с тех пор, как обитатель севера стал базировать свою экономику, свое хозяйство на добыче лосося и сига.

Итак, остроги, сачки, бережники, загонные и стрежневые запруды, неводы, волскуши, поездухи и сети составляют годичный комплекс орудий лова, который при отсутствии даже одного из этих орудий оказался бы нарушенным. В старые времена эта совокупность орудий была еще более важной, так как тогда не было возможности заготавливать рыбу впрок в большом количестве.

Интересно также отметить, что в районе Ботнического залива тюлений промысел заканчивается к началу лова лосося у этих же берегов, куда тюленщики прибывают с последними льдинами. Осенью же, когда лосось уходит, начинается сразу охота на белок и лесную птицу. Наравне с ней раньше важное значение имела и охота на дикого оленя, продолжавшаяся вплоть до конца февраля, т. е. до начала тюленьего промысла. Таким образом, все лето можно было питаться лососиной и сигом, а зиму — дичью, олениной и тюлениной.

Большие различия наблюдаются в способах охоты, применяющихся в Финском заливе, с одной стороны, и в Ботническом, — с другой. В Финском заливе зимний тюлений промысел начинается по ряду причин географического и биологического характера почти на два месяца раньше, чем в Ботаническом.

Представляет большой интерес изучение рыболовных орудий, применяющаяся на больших реках Советского Союза. Возможно, что для некоторых загадочных видов рыболовных орудий и способов лова было бы нетрудно найти объяснение. Так, например, о многих видах стрел, которыми пользовались остяки и вогулы, можно сказать, что каждый из них является плодом изобретательности, поставленной на службу практической целесообразности (вид стрелы всецело зависит от объекта и условий охоты)⁵.

В настоящем сообщении я не имею возможности подробнее рассмот-

⁵ Kustaa Vilkuna, Über die obugrischen und samojedischen Pfeile und Köcher, SUST, 98, стр. 343—384.

реть все эти интересные вопросы. Следует только отметить, что стремление непременно выводить то или иное рыболовное орудие (да и прочие орудия производства) из какого-либо другого едва ли оправдано, так как в большинстве своем они являются скорее всего самостоятельными изобретениями, обеспечивающими человеку пропитание и облегчающими его борьбу за существование. Тип предмета и способ его употребления невозможно объяснить, не имея точного представления о местных факторах и о значении данного предмета или способа, так как практическая целесообразность, диктуемая окружающей средой, техникой и рядом условий, является доминирующей при создании даже самых примитивных орудий труда, в том числе и орудий лова, равно как и при разработке способов их применения.

Следовало бы поэтому собрать отовсюду, где еще сохранились в употреблении традиционные орудия лова (как и земледельческие орудия), полное их описание, а также терминологию, касающуюся их употребления и объектов их применения, которую следует записывать на языке носителей данной культуры.
